

Кириленко В. П., Алексеев Г. В.

Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intl@szags.ru

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Трансформация государственного суверенитета в XXI в. стала реальным вызовом международной системе. Многие страны перестали существовать в полной мере независимо от окружающей их мировой экономики и универсальной информационно-коммуникативной системы. Постоянное участие населения в непосредственном международном общении создало новую политико-правовую реальность в универсальном масштабе — виртуальный суверенитет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

суверенитет, публичный порядок, виртуальная реальность, гуманитарная интервенция

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

The Problem of State Sovereignty in the Modern Geopolitical Conditions

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intl@szags.ru

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intl@szags.ru

ABSTRACT

The transformation of state sovereignty in the twenty-first century became a real challenge to the international system. Some countries ceased to exist fully independently from the surrounding world economy and universal communication system. The constant participation of people in direct international communication has created a new political and legal reality on a universal scale — a virtual sovereignty.

KEYWORDS

sovereignty, public order, virtual reality, humanitarian intervention

В преддверии 70-летия Организации Объединенных Наций Президент Российской Федерации В. В. Путин в интервью американскому журналисту Чарльзу Роузу отметил,

что «уважать суверенитет — это значит не допускать государственных переворотов, антиконституционных действий и незаконного смещения легитимных властей»¹.

Традиционно государственный суверенитет представляется как необходимое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность, высшую ответственность и ценность как первичного субъекта международного права. Верховенство государственной власти и независимость национальной политики от властей других государств возникает и прекращается в силу добровольного изменения статуса независимого государства как цельного социально-политического института. Содержание принципа государственного суверенитета обусловлено юридическим равенством независимых государств и лежит в основе современного международного права [12].

В мировой социально-политической доктрине понятие государственного суверенитета формулируется во взаимосвязи с национальным суверенитетом, который понимается как неотъемлемое право каждой нации на самоопределение [14, с. 32]. Содержанием национального суверенитета является политическая свобода нации выбирать свою государственно-правовую организацию и форму взаимоотношений с другими народами. Обеспечивается суверенитет населения страны социально-экономическим и политическим устройством общества, то есть он не является изначально любой нации присущим. В отечественной правовой литературе признается тот факт, что реализация суверенитета «зависит от осознания нацией своих жизненных интересов, объективно вытекающих из политических условий ее существования и развития» [17, с. 3–4].

Профессор Н. А. Ушаков справедливо отмечал, что «государственный суверенитет на определенном историческом этапе становится правом нации, которое может реализовываться нацией как в форме создания собственного государства, так и путем вхождения в состав более крупного государственного образования» [15, с. 37]. Сохранение независимости государством в новых социально-политических условиях требует особого подхода к реализации нацией права на самоопределение.

В целом доктриной международного права признается существенная экономическая составляющая суверенитета, как юридического признания состояния государственной власти позволяющего осуществлять собственную юрисдикцию. Еще в 1963 г. профессор Р. А. Тузмухамедов обращал внимание на тот факт, что одним из определяющих моментов экономической зависимости является экономическая отсталость, выражающаяся в низком уровне общественной производительности труда [14, с. 32]. Впоследствии профессор М. М. Богуславский обоснованно пришел к выводу о том, что достижение экономической самостоятельности является материальным обеспечением суверенитета [5, с. 97]. Суверенное равенство государств, основанное на положениях Устава Организации Объединенных Наций, предполагает не только политическую активность администраций в деле защиты национальных интересов, но и стабильное материальное обеспечение реализации национального суверенитета.

Определение конституционного принципа суверенного государства во многом зависит от социально-политических условий. Профессор С. А. Авакян справедливо отмечает, «что и сегодня надо говорить о суверенитете как о состоянии государства. По принципу собственности и внутренней способности управлять своими делами многие страны мира вряд ли могли бы претендовать на то, чтобы называться суверенными, но официально они таковыми являются» [2]. Такой формальный суверенитет различных государств значительно отличается по сво-

¹ Интервью *Владимира Путина* американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS. 28 сентября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/28/putin-site.html> (дата обращения: 26.02.2016).

ему содержанию, что подрывает суверенное равенство в международной системе и существенно затрудняет определение конституционного принципа суверенного государства.

Независимость государства и верховенство публичной власти неразрывно связаны с эффективностью работы государственного аппарата, его легитимностью и связью с реалиями мировой политики и экономики в определенный исторический период [10]. Баланс интересов государственного аппарата управляющего страной и народов ее населяющих создает в определенный исторический момент уникальное правовое состояние, которое позволяет государственным органам действовать от лица народа, олицетворяя своими решениями здравый смысл, целесообразность и справедливость. Постиндустриальное общество расширяет возможности индивида по участию в международном общении и формирует политически активное медиасообщество, претендующее на самостоятельный правовой статус [3; 8].

Противопоставление интересов государства и народа деструктивно влияет на легитимность публичной власти, создает политическую нестабильность и разрушает государственный суверенитет, порождая такие реалии современной геополитики как Сомали, Ливия, Сирия. Споры о причинах разрушения государственности в конкретных странах и обсуждение возможных путей выхода из сложившихся ситуаций не снимают с народов, населяющих эти страны, всей полноты ответственности за будущее той земли, на которой им было суждено родиться, и где они наделены исключительным правом жить в соответствии со своими традициями, собственным пониманием общечеловеческих ценностей и гармонично дополнять мировой правопорядок.

Профессор В. А. Овчинников сделал справедливый вывод о том, что «основные положения теории суверенитета, разработанные Ж. Боденом, актуальны и в наше время» [13, с. 545], однако в современных условиях интенсивный технический прогресс, информатизация и глобализация общественной жизни расширяют горизонты национальных интересов и требуют от государственных институтов значительно больше усилий по обеспечению легитимности политического режима, особого доверия к политической элите со стороны носителя суверенитета. Уважение к суверенитету государства в меняющемся мире неразрывно связано с пониманием интересов населения страны, проводящего значительное время в виртуальной реальности, сформированной телевидением и мультимедийными приложениями. Если исходить из того, что естественные права народа являются основным источником государственного суверенитета [16, с. 24], то реализация государственного суверенитета без учета национальных интересов будет выглядеть как произвол, подрывающий правопорядок и разрушающий государственность в стране.

Суверенитет как «полновластие субъекта-носителя» опирается на военный, промышленный, научный потенциал государства, которые, по справедливому замечанию профессора И. Н. Барцица, «сами по себе непосредственно суверенитета не составляют» [4, с. 13]. Однако полновластие требует полного контроля над ситуацией, который невозможен в условиях калейдоскопических изменений в социально-культурной сфере жизни современного общества, вызванных множющимися форматами существования виртуальной реальности.

Мировое сообщество и его медиасистемы постоянно меняются под воздействием научно-технического прогресса. Новые технологии порождают возможности и открывают перспективы, ранее казавшиеся нереалистичными, и новые реалии преобразуют общество, определяют парадигму его политики, трансформируют его правовые устои. В современной международной системе концептуальная политическая цель, стоящая перед предпринимателями, желающими дальнейшей либерализации, представляется как достижение особого рода суверенитета коммерсантов, их независимости от публично-правового регулирования и таможенных

барьеров, что определяет движение бизнеса в сторону пространств с международно-правовым режимом.

Медиаэкономика и интернет-бизнес предполагает получение большей прибыли, скорейшее достижение максимально возможного обогащения и минимизацию рисков. В своем стремлении снизить налоговое бремя, устранить административные барьеры и ограничения предприниматели движутся в офшоры, где правила игры мягче, пробелов в праве больше, отсутствует потребность в постоянном лоббизме и шире круг экономических свобод, но со временем им становится тесно и там. Укрупнение свободного бизнеса диктует потребность в его политическом признании со стороны элементов международной системы, в придании силы закона тем правилам, по которым живет этот либеральный мир.

В условиях офшора не только меньше налогов, нет пошлин и ниже стоимость товаров, там теряют свою юридическую силу некоторые нормы права интеллектуальной собственности, исчезает монополия государства на принуждение, по сути, формируется особый правовой режим, устраивающий далеко не всех. Против этого выступают прежде всего государства — основные субъекты международной системы. Они не готовы делить суверенитет с кем-то и терять традиционные источники своего дохода, считаться с интересами, идущими вразрез с их экономической политикой, что подтверждает судьба Республики острова Роз — искусственной платформы, претендовавшей на суверенитет [24; 26].

В 1964 г. итальянское правительство разрешило в научных целях архитектуру и инвестору в недвижимость Джорджо Роза сооружение в Адриатическом море в 14 км от итальянского городка Римини платформы на сваях площадью в 400 м². В 1968 г. за 7 миль от берега Италии на площади 400 м² появились бар, ресторан, ночной клуб и магазины, все это явно было с наукой не связано. Платформа была переименована в «Республику острова Роз» и провозглашена независимым государством. Эксперимент закончился высадкой на платформу четырех карабинеров и налогового инспектора. Однако термин «виртуальное государство» прочно закрепился за политическими образованиями, лишенными национального и народного суверенитета, но претендующими на независимость.

Государства, срastаясь через политические институты и организационно-правовые формы с транснациональными корпорациями, доминируют в международной торговле и желают сохранить такое положение вещей [9]. Бизнес-сообщество, напротив, устало обеспечивать глобальные политические интересы и акцентирует внимание на конкурентных преимуществах, возникающих в связи с выходом из-под национальной юрисдикции. Термин «виртуальное государство» характеризует любые политические образования, которые заявляют о своей государственности, но не являются государствами, лишь имитируя те или иные их черты [25]. Виртуальные государства не признаются другими государствами и международными организациями и не обеспечивают правовой режим на своей территории. Вместе с тем княжество Силенд существует с 1967 г. как курьез британской политики и правовой системы с населением в 3 человека и сословной монархией¹. Виртуальный суверенитет Силенда признан судебной системой Великобритании и выражается в формальной независимости при отсутствии ряда материальных признаков государства, таких как территория и население.

Современные социальные условия, потребности населения и чаяния народа определяют приоритетные направления реализации национальной политики государственной администрацией. Правительство страны реализует своего рода наказы носителя суверенитета и от качества его работы в этом направлении зависит существование суверенного государства. Интенсификация экономических процес-

¹ Официальный сайт The Principality of Sealand // <http://www.sealandgov.org>.

сов и связанный с ней рост потребления и запросов населения происходят в пост-индустриальном обществе на фоне тотальной информатизации не только процессов управления, но и образования, досуга, культуры в целом.

Социально-культурное пространство уже давно ставшее глобальным явлением резко обострило конкуренцию между участниками универсальных экономических и политических процессов. Некоторые из них, пытаясь удерживать власть старыми методами, сопротивляются неизбежному социальному прогрессу, ведущему к созданию мирового свободного и транспарентного пространства знаний, другие стремятся извлечь максимум экономической выгоды из информационной инфраструктуры, третьи, забыв об опасностях, всецело полагаются на эффективность естественного социального регулирования в сфере массовых коммуникаций и виртуальной реальности. Представляется, однако, что конкуренция за власть в ноосфере это вопрос реализации государственного суверенитета, чреватый куда более разрушительными процессами, чем спад в национальной экономике и технологическое отставание. Если отсутствие эффективных медиаструктур на национальном уровне способно разрушить государственность, то отставание в мировой конкуренции за право моделировать виртуальную реальность влечет утрату независимости целыми странами и народами.

В эпоху Возрождения остро стоял вопрос о национальной принадлежности морских пространств, решение которого на основе естественного права голландским юристом Гуго Гроцием обусловило динамичное развитие торгового мореплавания [21; 23]. В XXI в. информационное пространство не только породило экономический рост и электронную торговлю, но и обострило конкуренцию между государствами за контроль над информационной инфраструктурой и обладание информационными технологиями.

В научной литературе существует понимание того, что современному государству необходимы институты, способные реализовывать национальную юрисдикцию в медиапространстве [7; 8; 20; 22]. Образно говоря, существует необходимость создания какого-то подобия национального «флота» в мировом информационном пространстве, нужны своего рода «порты», где этот флот будет базироваться, и необходимы источники доходов от эксплуатации этого «флота». В противном случае национальная юрисдикция перейдет к тем субъектам, которые имеют инструменты влияния на политическое и правовое сознание народа, используют медиапространство в своих национальных интересах.

Принцип свободы открытого моря гарантирует нераспространение суверенитета на обширные морские пространства, объявляемые экономическими зонами или суверенными территориями-протекторатами. В научной литературе отмечается, что «прибрежное государство обладает исключительным правом создания и использования в экономической зоне искусственных островов и сооружений лишь в отношении разрешения и регулирования создания, эксплуатации и использовании искусственных островов», установок и сооружений, влияющих на экономику и другие права прибрежного государства [6].

Положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не исключают частные научные исследования в открытом море и исключительной экономической зоне государств, однако гарантируют нераспространение национальной юрисдикции на открытое море, что делает Силенд, с одной стороны, казусом уникальным. Национальные интересы Великобритании, с другой стороны, обеспечивают его существование тотального офшора, за действия которого политическая администрация прибрежного государства ответственность нести не может.

Концепция виртуального суверенитета не только определяет стратегию действий в направлении передачи суверенных прав частным структурам, но и демонстрирует существование феномена виртуального суверенитета как элемента государственно-

го суверенитета, наряду с национальным, народным и формальным суверенитетом. Защита интересов свободного бизнеса основана на доктрине конкуренции, где выживает коммерсант, наиболее приспособленный к реалиям меняющейся ситуации. Торговля сувенирами, амбиции чудаков, провозглашающих себя королями, масштабность эпатажа бизнес-проектов — все вышеперечисленное, на самом деле не имея какого-либо юридического значения, выступает ширмой процессов денационализации бизнеса, его выхода из-под какой-либо юрисдикции.

Ответственность носителя суверенитета за судьбу страны в юридическом смысле уравнивает все те права, которыми носитель суверенитета наделен. Неспособность нести ответственность за свои действия исключает суверенитет в любой из форм его проявления: социально-политической, экономической или военной. В свою очередь готовность носителя суверенитета выступать гарантом конструктивного политического процесса и способность обеспечить этот процесс военным и экономическим потенциалом создает право принимать суверенные решения.

Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по вопросам вмешательства и государственному суверенитету¹ «Обязанность защищать» [18] за авторством известного австралийского политика Гарета Эванса и алжирского дипломата Мухаммеда Сахнуна, опубликованный в 2001 г., определил содержание государственного суверенитета через обязанность национальной администрации по обеспечению правопорядка и защиты населения от массовых нарушений естественных прав и свобод человека. Такой подход призван обосновать право мирового сообщества на гуманитарную интервенцию и определить соотношение государственного и национального суверенитета.

Гуманитарная интервенция может быть правомерна исключительно на основании специального решения Совета Безопасности ООН или осуществляться по просьбе законного правительства того государства, во внутренние дела которого будет осуществляться вмешательство. Всеобщее признание возможности осуществления гуманитарной интервенции неразрывно связано с осознанием мировым сообществом ответственности за последствия вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств. В частности, известный иранский ученый Мехди Закериян отмечает, что «обязанность защищать» предполагает не только гуманитарную интервенцию, но и обязанности предотвращать вредные последствия такого вмешательства, реагировать на правонарушения и восстанавливать разрушенное [27].

Дальнейшее развитие идей Гарета Эванса в докладе «Обязанность защитить: окончание массовых преступлений злодеяния раз и навсегда» [19] вызывает в памяти исключительно классику советской юридической литературы. В частности, И. Д. Левин писал: «Отрицание суверенитета „обосновывается“ в буржуазной науке различными способами. Наиболее распространенными из них являются следующие: теория правового государства; юридический монизм; социальный плюрализм» [11]. Представляется, что идеи наднационального конституционализма не очень далеко продвинулись с конца сороковых годов XX в.

В этом контексте интересно содержание документов Информационного совещания представителей некоторых компартий 1947 г. Уже тогда было понятно, что «одним из направлений идеологической “кампании”, сопутствующей планам порабощения Европы, является нападение на принцип национального суверенитета, призыв к отказу от суверенных прав народов и противопоставление им идей “всемирного правительства”. Смысл этой кампании состоит в том, чтобы приукрасить безудержную экспансию американского империализма, бесцеремонно нарушаю-

¹ The International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS) 2001.

щего суверенные права народов»¹. Возможно современная ситуация в Европе не настолько тревожная, но задуматься о причинах трансформации доктрины суверенитета с учетом процитированного совершенно необходимо.

Справедливо мнение И.Д. Левина относительно того, что «юридическое всегда включает в качестве компонента и фактическое. Право, не опирающееся на действительность, не есть право. Правосубъектность имеет свою экзистенциальную предпосылку в факте наличия или существования самого субъекта права. В области международного права эта предпосылка выражается в принципе эффективности, согласно которому необходимым признаком суверенитета является эффективное осуществление функций государства на его территории»[11]. Государства, отказывающиеся от использования виртуальной составляющей суверенитета, фактически отказываются от реализации всей полноты народовластия, создают условия для несоответствия фактических обстоятельств формальной юридической природе суверенной власти.

При всей важности обеспечения законности, справедливости и гуманности управляющего государством правительства представляется, что противопоставление суверенитета народа и государства не соответствует современным социально-экономическим реалиям гражданского общества. В условиях мультимедийной виртуальной реальности действия широкого круга индивидов воспринимаются как политическая активность государства в целом, в то время как экономическое благополучие государства сказывается на уровне жизни подавляющего большинства социально-активных граждан, чье общественное сознание ориентировано на универсальные ценности и международные стандарты.

В современном мире тоталитарная диктатура в рамках одного из государств, равно как и дискриминация политическим режимом определенных групп и социальных слоев населения внутри отдельной страны, не только недопустима в соответствии с нормами международного права, но и противоречит национальным интересам, подрывает основу государственности, разрушает систему демократических ценностей.

Государственный аппарат, принимая политические решения, использует в процессе их легитимации народный суверенитет. Представительная демократия предполагает самостоятельную реализацию государственными органами властных полномочий при непосредственном взаимодействии с носителем суверенитета в рамках процедур непосредственной демократии, использующей современные форматы общения власти с народом. Мультимедийные системы общения органов государственной власти с населением позволяют обеспечить реализацию демократических ценностей при постоянном освещении национальной политики в современных средствах массовой коммуникации, что существенно сближает представления о народном и государственном суверенитете. Сегодня только в условиях вовлеченности народа в общение с государственным аппаратом по ключевым вопросам управления страной будет справедливо мнение профессора С.А. Авакьяна относительно того, что в условиях демократии суверенитет позволяет придать власти народа такое качество, как верховенство [1].

Поскольку государственный суверенитет выражается в потенциальной возможности реализации верховной власти во всех сферах жизни общества, необходимо формирование демократических механизмов по реализации виртуального (информационного) суверенитета страны, определяющего состояние медиасферы и виртуальной реальности современного мирового сообщества, обеспечивающего защиту тайны частной жизни и личную неприкосновенность. Государственный аппарат, таким образом, обязан в интересах народа как но-

¹ Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М. : Госполитиздат, 1948. С. 34.

сителя суверенитета сохранять всю полноту влияния на медиаиндустрию и обеспечивать создание виртуальной реальности, соответствующей национальным интересам государства.

Литература

1. Авакьян С. А. Точка отсчета — народ // Российская газета. № 4209, 28.10.2006.
2. Авакьян С. А. Предисловие / Левин И. Д. Суверенитет. Юридический центр пресс. 2003.
3. Алексеев Г. В., Морозов Г. Н. Свобода слова и информационные транснациональные корпорации // Власть. 2009. № 2. С. 28–33.
4. Барциц И. Н. Категория «суверенитет» в правовой теории и практике Российской Федерации: автореф. дисс. ... к. ю. н. Российская Академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. М. : 1995.
5. Богуславский М. М. Международное экономическое право. М. : Международные отношения, 1986.
6. Гуреев С. А. Принцип свободы открытого моря в современных условиях // Правоведение. 1987. № 1. С. 80–84.
7. Касенова М. Б. Управление интернетом. Международно-правовой механизм. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013.
8. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международное право и информационная безопасность государств. СПб. : СПбГИКиТ, 2016.
9. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Роль средств массовой информации в признании статуса субъектов международного права // Управленческое консультирование. 2014. № 11 (71). С. 7–16.
10. Климин А. И. Греция и Египет в архаическую эпоху. Проблемы политического, экономического и культурного взаимодействия: дисс. к. и. н. СПб. : СПбГУ, 2000.
11. Левин И. Д. Суверенитет. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 375 с.
12. Моисеев А. А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. М. : «Научная книга», 2006.
13. Овчинников В. А. Государственный суверенитет современной России: сущность, содержание, проблемы реализации. СПб. : Петрополис, 2012.
14. Тузмухамедов Р. А. Национальный суверенитет. М. : Изд-во ИМО, 1963.
15. Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. М. : Изд. ИМО, 1963.
16. Черниченко С. В. Государство как личность, субъект международного права и носитель суверенитета // Российский ежегодник международного права. СПб. : Издательский дом СПбГУ, 1995.
17. Шевцов В. С. Национальный суверенитет (проблемы теории и методологии). М. : Юридическая литература, 1978.
18. Evans G., Sahnoun M. The Responsibility to Protect: report. Report. Ottawa, Canada : ICISS, 2001.
19. Evans G. The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2008.
20. Goldsmit J., Wu T. Who Controls the Internet Illusions of a Borderless World. Oxford University Press, 2006.
21. Grotius H. Mare Liberum, sive de jure quod Batavis competit ad Indicana commercia dissertatio. Lodewijk Elzevir, 1609.
22. Malcolm J. Multi-Stakeholder Governance and the Internet Governance Forum. Terminus Press, 2008.
23. Martine J. van Ittersum. Hugo Grotius, Natural Rights Theories and the Rise of Dutch Power in the East Indies 1595–1615. Boston : Brill, 2006.
24. Menefee S. P. «Republics of the Reefs»: Nation-Building on the Continental Shelf and in the World's Oceans // California Western International Law Journal. Vol. 25. N 1 Fall. 1994. P. 105–106.
25. Salter M. B. Rights of passage: The passport in international relations. London : Boulder, Lynne Rienner publishers, 2003.
26. Strauss E. S. How to Start Your Own Country. Breakout Productions, Port Townsend, WA, 2nd ed. 1984. P. 129–130.
27. Zakerian M., Mahdavi-poor R. Crisis in Libiya: transmission from humanitarian intervention to the responsibility to protect // Indian journal of scientific research 7 (1) 2014. P. 774–782.

References

1. Avakyan S.A. *A reference point — the people* [Tochka otscheta — narod] // Russian newspaper [Rossiiskaya gazeta] N 4209, 10.28.2006. (rus)
2. Avakyan S.A. *Preface* [Predislovie] / Levin I.D. Sovereignty [Suverenitet]. Legal center press [Yuridicheskii tsentr press]. 2003. (rus)
3. Alekseev G.V., Morozov G.N. *Freedom of speech and information multinational corporations* [Svoboda slova i informatsionnye transnatsional'nye korporatsii] // Power [Vlast']. 2009. N 2. P. 28–33. (rus)
4. Bartsits I.N. *The category «sovereignty» in the legal theory and practice of the Russian Federation* [Kategoriya «suverenitet» v pravovoi teorii i praktike Rossiiskoi Federatsii]: Dissertation abstract. Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation [Rossiiskaya Akademiya gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii]. M. : 1995.
5. Boguslavsky M.M. *International economic law* [Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo]. M. : International relations [Mezhdunarodnye otnosheniya], 1986. (rus)
6. Gureev S.A. *The principle of a freedom of the high seas in modern conditions* [Printsip svobody otkrytogo morya v sovremennykh usloviyakh] // Jurisprudence [Pravovedenie]. 1987. N 1. P. 80–84. (rus)
7. Kasenova M.B. *Management of the Internet. The international legal mechanism* [Upravlenie internetom. Mezhdunarodno-pravovoi mekhanizm]. SPb. : Center of humanitarian initiatives [Tsentr gumanitarnykh initsiativ], 2013. (rus)
8. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *International law and information security of the states* [Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv] : Monograph. SPb. : Saint-Petersburg State University of Film and Television [SPbGKIIT], 2016. (rus)
9. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *The Role of Mass Media in Recognition of International Legal Personality* [Rol' sredstv massovoi informatsii v priznanii statusa sub"ektov mezhdunarodnogo prava] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 11 (71). P. 7–16. (rus)
10. Klimin A.I. *Greece and Egypt during an archaic era. Problems of political, economic and cultural interaction* [Gretsiya i Egipt v arkhaicheskuyu epokhu. Problemy politicheskogo, ekonomicheskogo i kul'turnogo vzaimodeistviya]: Dissertation. St. Petersburg State University [SPbGU], 2000. (rus)
11. Levin I.D. *Sovereignty* [Suverenitet]. M. : Juridical publishing house of the Ministry of Justice of USSR [Yurid. izd-vo MYu SSSR], 1948. (rus)
12. Moiseev A.A. *Sovereignty of the state in the modern world. International legal aspects* [Suverenitet gosudarstva v sovremennom mire. Mezhdunarodno-pravovye aspekty]. M. : «The Scientific book» [Nauchnaya kniga], 2006. (rus)
13. Ovchinnikov V.A. *State sovereignty of modern Russia: essence, contents, realization problems* [Gosudarstvennyi suverenitet sovremennoi Rossii: sushchnost', sodержание, problemy realizatsii]. SPb. : Petropolis, 2012. (rus)
14. Tuzmukhamedov R.A. *National sovereignty* [Natsional'nyi suverenitet]. M. : IMO publishing house [Izd-vo IMO], 1963. (rus)
15. Ushakov N.A. *Sovereignty in modern international law* [Suverenitet v sovremennom mezhdunarodnom prave]. M. : IMO publishing house [Izd-vo IMO], 1963. (rus)
16. Chernichenko S.V. *State as personality, subject of international law and carrier of sovereignty* [Gosudarstvo kak lichnost', sub"ekt mezhdunarodnogo prava i nositel' suvereniteta] // Russian year-book of international law [Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava]. SPb. : Publishing house of St.Petersburg State University [Izdatel'skii dom SPbGU], 1995. (rus)
17. Shevtsov V.S. *National sovereignty (problem of the theory and methodology)* [Natsional'nyi suverenitet (problemy teorii i metodologii)]. M. : Juridical Literature [Yuridicheskaya literatura], 1978. (rus)
18. Evans G., Sahnoun M. *The Responsibility to Protect: report*. Report. Ottawa, Canada : ICISS, 2001
19. Evans G. *The Responsibility to Protect: Ending Mass Atrocity Crimes Once and for All*. Washington, D. C. : Brookings Institution Press, 2008.
20. Goldsmit J., Wu T. *Who Controls the Internet Illusions of a Borderless World*. Oxford University Press, 2006.
21. Grotius H. *Mare Liberum, sive de jure quod Batavis competit ad Indicana commercia dissertatio*. Lodewijk Elzevir, 1609.

22. Malcolm J. *Multi-Stakeholder Governance and the Internet Governance Forum*. Terminus Press, 2008.
23. Martine J. van Ittersum. *Hugo Grotius, Natural Rights Theories and the Rise of Dutch Power in the East Indies 1595–1615*. Boston : Brill, 2006.
24. Menefee S. P. «*Republics of the Reefs*»: *Nation-Building on the Continental Shelf and in the World's Oceans* // California Western International Law Journal. Vol. 25. N 1 Fall. 1994. P. 105–106.
25. Salter M. B. *Rights of passage: The passport in international relations*. London : Boulder, Lynne Rienner publishers, 2003.
26. Strauss E. S. *How to Start Your Own Country*. Breakout Productions, Port Townsend, WA, 2nd ed. 1984. P. 129–130.
27. Zakerian M., Mahdavi poor R. *Crisis in Libiya: transmission from humanitarian intervention to the responsibility to protect* // Indian journal of scientific research 7 (1) 2014. P. 774–782.